

## **Предисловие**

Предлагаемая книга написана в соответствии с программой. Основное внимание в ней уделено наиболее важным разделам: традиционно изучаемым выразительным средствам языка, стилистической окраске слова, функциональным стилям. Именно эти разделы образуют основной корпус стилистики для бакалавров. Поэтому на них и сосредоточено внимание в этой книге.

И еще об одной особенности этой книги хотелось бы сказать. Стилистика — наука о выразительных средствах языка, о красноречии («красная речь», как известно, означало ‘красивая речь’). Поэтому о стилистике следует писать нешаблонно. Во всяком случае автор к этому стремился.

Система проверочных вопросов и заданий направлена на комплексное и глубокое усвоение материала. Довольно много творческих заданий. Для учебного пособия, предназначенного будущим журналистам, это важное условие.

# ЧТО ЕСТЬ СТИЛИСТИКА?



## Выразительные средства языка

Есть науки древние, возраст которых измеряется даже не веками, а тысячелетиями. Медицина, астрономия, геометрия. У них богатый опыт, отработанные столетиями методы исследования, традиции, продолжаемые нередко в наше время. Так, обычай выпускников современных медицинских институтов давать клятву Гиппократу родился «всего лишь» три тысячи лет тому назад и носит имя великого греческого врача с острова Коса, жившего в 460—356 гг. до н.э.

Есть и молодые науки, как кибернетика, экология, астроботаника. Они рождены в XX в. Это детища бурного научно-технического прогресса.

Но есть и науки без возраста, или, точнее, с трудно определяемым возрастом. Такова стилистика, которой посвящена эта книга. Она очень молода, так как стала наукой, сформировалась как самостоятельная отрасль знаний лишь в начале XX в. Но в то же время человека уже очень давно интересует не только то, что он говорит, но и то, как говорит. А этим занимается именно стилистика. И значит, возраст ее довольно почтенный, о чем свидетельствует сам термин, само название нашей науки. Стилистика происходит от слова *стиль* (stylus), которым древние называли заостренную палочку, стерженок для писания на восковых дощечках.

В этом значении («перо, орудие письма») в русском языке использовалось выходящее теперь из употребления однокоренное слово *стило*, как, например, у В. Маяковского в «Разговоре с фининспектором о поэзии»:

А если  
вам кажется,  
что всего делов —  
это пользоваться  
чужими словесами,  
то вот вам,  
товарищи,  
мое стило,  
и можете  
писать  
сами!

Сейчас это устаревшее слово употребляют довольно редко, причем в шутку или иронически.

Но история термина *стилистика* на этом не заканчивается. Слово *стиль*, обозначавшее первоначально заостренную палочку для письма, приобрело затем значение «почерк», а позднее еще более расширилось и стало означать «манеру, способ, особенности речи». Другие значения этого слова мы разберем несколько позже.

Чем же занимается стилистика? Каков ее предмет, если выражаться научно?

Любой развитой язык, будь то русский или китайский, испанский или монгольский, английский, французский или немецкий, необычайно красив и богат. Многие помнят вдохновенные строки М. Ломоносова о русском языке:

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и

сильную в изображении краткость греческого и латинского языков».

Великий ученый, конечно, прав: прекрасен, могуч, красив русский язык. А ведь Ломоносов писал эту оду в прозе о русском языке, когда еще не было А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева.

Но прав будет и англичанин, восхищающийся языком Шекспира, итальянец — языком Данте, испанец — языком Сервантеса, немец — языком Гете, Шиллера и Гейне. Перечислять можно очень долго. Каждый язык по-своему прекрасен. Но особенно дорог родной язык.

В чем же заключается богатство, красота, сила, выразительность языка?

Художник передает красоту материального и духовного мира посредством красок, линий, цвета; музыкант, композитор выражают гармонию мира в звуках, скульптор использует камень, глину, гипс. Слову же, языку доступны и цвет, и звуки, и объемы, и психологическая глубина. Возможности его безграничны. В сохранившихся стихах из сожженной тетради А. Ахматова писала:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,  
Крошится мрамор. К смерти все готово.  
Всего прочнее на земле печаль.  
И долговечней — царственное слово.

Посмотрите, с каким уважением говорит поэт о слове — царственное! И оно долговечней золота, мрамора, стали. Все проходит. Остается Слово.

Как же это происходит? Как слово становится царственным? Как из самых обычных слов, состоящих из звуков или букв (на письме), рождаются волшебные строки «Я помню чудное мгновенье...» или «Чуден Днепр при тихой погоде...»?

На этот труднейший вопрос и пытается ответить стилистика. Мы говорим «пытается», потому что точный и исчерпывающий

ответ науке пока неизвестен. Начиная с античных времен пытливые и любознательные люди (философы, психологи, лингвисты) стремятся разгадать эту загадку, объяснить чудо превращения слова в поэзию, гармонию. Одно из возможных, но далеко не полных и не окончательных объяснений — существование особых выразительных слов и выражений, составляющих богатство языка. Этими словами и интересуется стилистика.

И действительно, чем может привлечь нас текст? Прежде всего, конечно, яркостью и сочностью красок, т.е. о б р а з н ы м и в ы р а ж е н и я м и.

Вот два предложения:

1. Внизу находился Казбек, покрытый никогда не тающими снегами.

2. Под ним Казбек, как грань алмаза, снегами вечными сиял.  
(М. Лермонтов)

Хотя оба предложения содержат одну мысль, но разница между ними громадная. Если в первой фразе нам с о о б щ а ю т некоторые сведения, информацию, то во второй мы ви д и м живописную картину, нарисованную словами. Высоко-высоко стоит человек. И он видит далеко внизу необычайное, красочное зрелище; покрытая вечными снегами слепящей белизны гора в сиянии солнечных лучей переливается, как грань алмаза, всеми цветами радуги.

Всего несколько слов — и перед нами удивительная картина. В этом и заключается прелесть поэзии, вообще художественной литературы — рисовать словами. И есть слова, обороты речи, специальные приемы, как бы предназначенные для живописания словом. Так, в стихотворном примере из М. Лермонтова важную роль в создании общей картины играет сравнение *как грань алмаза*. Писатели, поэты используют также метафоры, эпитеты, метонимии и другие приемы и средства, о которых пойдет речь далее в этой книжке. Пока же заметим, что они очень важны, составляют богатство языка, запас его выразительных средств, ресурсов. И естественно, что стилистика интересуется этими средствами выразительности, изучает их.

Таким образом, один из разделов, аспектов стилистики — изучение выразительных средств, ресурсов языка.

### «Чуть-чуть»

Образные, выразительные средства, разумеется, очень важны. Но для писателя и для стилистики, изучающей язык художественной литературы, не менее существенно видеть возможности, заключенные в языке, в слове, различать тончайшие оттенки смысла того или иного выражения.

Лев Толстой, много размышлявший об искусстве писателя, считал, что суть его очень точно выразил русский художник Карл Брюллов: «Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть».

Что имел в виду художник?

Представьте себе. Юный живописец написал неплохую на первый взгляд картину. Но ей чего-то недостает. Она суха, детали выразительны каждая в отдельности, но не объединяются в одно целое. Но вот к картине подходит Мастер. Окидывает внимательным взором полотно и стремительными ударами кисти наносит два-три мазка. И происходит чудо. Картина на глазах оживает. Чуть-чуть изменилось освещение, чуть-чуть выровнялся общий контур. Но все пришло в движение, заиграло. Разрозненные детали соединились. Картина стала художественным произведением.

«Чуть-чуть» — это тончайшие оттенки цвета, света, штрихи, линии, которые непосвященному кажутся несущественными, второстепенными, но для художника заключают в себе суть искусства.

То же и в художественной литературе — словесном искусстве. У А. Пушкина есть чудесный сонет «Поэту», написанный в 1830 г. и очень важный для пушкинского понимания роли поэзии в обществе. Обращаясь к поэту, А. Пушкин говорит:

Ты царь: живи один. / Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный. / Они в самом тебе. / Ты сам свой высший суд; / Всех строже оценить сумеешь ты свой труд. / Ты им доволен ли, взыскательный художник?

В последней строке «Ты им доволен ли, взыскательный художник?». Пушкин долго искал — об этом свидетельствуют черновые варианты стихотворения — определение к слову *художник*. Сначала попробовал поставить слово *божественный*, затем *увенчанный*, *разборчивый* и наконец (нашел то, что искал) — *взыскательный*.

Казалось бы, велика ли разница — *божественный*, *увенчанный*, *разборчивый*, *взыскательный*? Ведь все эти слова близки по значению. Однако каждое из них обладает хотя и тонкими, но очень важными различительными оттенками. *Божественный* подчеркивает неземной дар поэта, *увенчанный* — его заслуги, признание, *разборчивый* говорит о вкусах. И только *взыскательный* наиболее точно соответствует содержанию и замыслу стихотворения. *Взыскательный* означает, что поэт очень требователен к себе, к своему творчеству. Поэтому он и есть «свой высший суд», он «всех строже» оценит себя, свою поэзию. Это самое точное и потому самое выразительное здесь слово. И прав, конечно, известный стилист А.Н. Гвоздев, который, анализируя этот пример, говорит об исключительном стилистическом мастерстве А. Пушкина.

В жизни вообще, и в литературе в частности очень важен точный выбор слова. А для этого необходимо улавливать и выражать тончайшие оттенки смысла — ч у т ь - ч у т ь.

Правильно писать и говорить так, как учит грамматика, умеют все образованные люди. Однако для искусства этого мало, недостаточно. Художественная речь должна быть не только правильной, но и выразительной, образной, точной. Точно выразить мысль — во всех ее оттенках — необычайно трудно. Вот

почему писатель перебирает десятки слов, прежде чем найдет единственное, нужное. И это точно найденное слово — небольшое художественное открытие, словесная находка — рождает у читателя радость, эстетическое наслаждение: «Как хорошо, как точно сказано». Художник назвал, определил то, что все мы знали, чувствовали, нечто знакомое, но трудно уловимое. Как писал Л. Толстой, искусство писателя выражается в том, чтобы «находить единственно нужное размещение единственно нужных слов».

Стилистика и интересуется тончайшими оттенками смысла слов, оборотов, фраз, их выразительными нюансами. Если грамматика, как уже упоминалось, учит читать, говорить и писать правильно, то стилистика, полагая правильность как само собой разумеющееся, учит говорить и писать **выразительно**. Она изучает слова, речевые обороты, предложения с точки зрения выражаемых в них мыслей и чувств, т.е., говоря научно, терминологически, эмоционально-экспрессивные свойства, особенности слова, связанные с ним тончайшие оттенки смысла, чувства, образности. Иначе говоря, стилистика обучает **языковому мастерству**. Это второй важнейший аспект стилистики.

## **Сколько «языков» в русском языке?**

Что такое русский язык? Для русского человека, или, как говорят ученые, носителя русского языка, т.е. человека, для которого этот язык родной, вопрос может показаться бессодержательным. В самом деле, что тут может быть неясного? Разумеется, русский язык — это язык, на котором говорит русский народ. Это один из мировых языков. Язык, на котором создана великая русская литература. И т.д. и т.п.

И все же, все же вопрос не столь безоснователен. Всякий ли даже образованный носитель русского языка поймет содержание специальной научной статьи по термоядерному синтезу, по



холодной обработке металлов, по химии? Или такой, например, текст?

Говоря о периферии рассматриваемого поля, мы имеем в виду не только явно маргинальные компоненты полевой структуры, но и ближайшее окружение ядра. Иными словами, рассматриваемая зона поля включает ближнюю и дальнюю периферию (разумеется, речь идет о членении с весьма условными и подвижными гранями).

Русские слова и обороты. Не так уж много здесь специальных, сложных терминов. Но смысл отрывка не очень ясен, хотя написан он по-русски. Трудно даже догадаться, что речь здесь идет о языке, грамматике.

В глухой деревеньке на русском Севере вы внимательно будете вслушиваться в речь какого-либо старожилы и вряд ли все в ней поймете. А ведь это тоже русская речь, но местная, диалектная. Слова и выражения из нее нередко используют писатели. Например, *У Глеба заскрежетало в салазках*, т.е. в челюстях. *Голова ее мотылялась на плечах*, т.е. моталась. Это примеры из первой редакции романа «Цемент» Федора Гладкова.

А древние русские летописи? Они ведь тоже написаны в основном на русском, точнее древнерусском языке. Но прочитывать их могут только специалисты-языковеды. Вот, например, маленький отрывок из краткой редакции «Русской Правды» — летописного памятника XIII в. Слово «Правда» в заглавии употреблено в значении «устав, закон, законодательное постановление».

«Ажь кто ударит мечем не вынезь [не обнажив] его или рукоятью, то 12 гривне продаже [продажа — вид штрафа] за обиду; оже ли вынезь мѣчь, а не утнеть [не убьет], то гривну кунь [денег]...»

В этом отрывке говорится о наказаниях за нанесение увечья или оскорбления.

Даже великий памятник русской литературы «Слово о полку Игореве» (XII в.) мы читаем в поэтических и прозаических переводах. Странно, не правда ли, звучит здесь слово *перевод*? Перевод с русского языка... на русский. Но, не сомневаюсь, любознательный читатель обратится и к подлиннику, и тогда для нас зазвучит величавая, поэтичная древняя речь «Слова...»:

Не лѣпо ли ны бяшеть, братие, начяти старыми словесы  
трудныхъ повѣстей о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?

Начяти же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по  
замышлению Бояню!»

А теперь совершим стремительный скачок из XII в. в современность. Вот еще один текст:

Короче, ништяк, финтач мандражовый.  
Гасиво, месиво — полный голяк!  
Шмон закандычим — маразм будет клевый.  
Ну и погодка у нас крутизняк.

Это образчик молодежного жаргона, студенческий фольклор (народное творчество). Русский ли это язык? Да, конечно, только сильно искаженный, испорченный. И перевести этот пассаж на нормальный литературный язык трудно, если не невозможно. Но он и создавался, по-видимому, как шутка, абсурд, пародия на молодежный жаргон.

Подобных примеров можно приводить множество. Но что же в итоге получается? Значит ли это, что существует несколько русских языков?

Нет, конечно, русский язык один и един, но он не однообразен. Русский язык — это и художественная литература, и научная проза, и деловая речь, и газеты, журналы, насыщенные информацией и публицистикой, и разговорная речь, которой мы пользуемся в повседневном обиходе. И хотя везде перед нами один и тот же русский язык, но он далеко не одинаков. Худо-

жественная речь непохожа на научную, язык законов резко отличается от бытового разговора, очень своеобразна и газетно-публицистическая речь.

В зависимости от того, что надо выразить, о чем идет речь, или, говоря научно, в зависимости от целей общения русский язык меняется. Наука требует строгого информативного изложения, художественная литература — изобразительности, картинности, деловая речь — исключительной точности, недвусмысленности.

И естественно, что язык меняется, стремясь выполнить эти требования. Одни слова, обороты, грамматические средства используются в науке, другие — в художественной литературе, третьи — в деловой речи и т.д.

Так в недрах одного и того же языка формируются как бы разные языки. Конечно, слово *язык* здесь очень условно, поэтому и в заголовке данного раздела оно взято в кавычки. Речь, разумеется, идет не о разных языках, а о разновидностях одного и того же нашего единого русского языка. В лингвистике, стилистике они называются *стилями*. И различия между ними весьма существенны. Знать в совершенстве язык — значит владеть его *стилями*.

Благодаря *стилям* язык приобретает такие качества, как гибкость, разнообразие, богатство. Трудно даже представить себе, насколько унылой, однообразной, убогой оказалась бы русская речь, если бы писатели, ученые, публицисты, ораторы изъяснялись на каком-то одинаковом, унифицированном, усредненном языке.

*Стили* — это не только богатство, но и существеннейшая закономерность языка. В каждом языке есть *стили*, которые формируются вместе с развитием языка в течение столетий. И они определяют своеобразие языка, многообразные его возможности.

И вполне естественно, что стилистика занимается изучением *стилей*. Это ее хлеб, главный предмет. Это, пожалуй, основное отличие стилистики от других лингвистических дисциплин.

Итак, третий, можно сказать, самый важный аспект стилистики, подробный разговор о котором впереди, — и з у ч е н и е с т и л е й.

## «Копченые амурь»

Интересуясь стилями, тончайшими оттенками смысла слов и выражений, выразительными средствами языка, стилистика далеко не безразлична к качествам речи, и прежде всего к таким ее качествам, как точность и правильность.

Писатель Ю. Олеша в дневниковой книге «Ни дня без строчки» рассказывает, как на одной из встреч молодых одесских поэтов с А.Н. Толстым он читал цикл своих стихов на темы пушкинских произведений.

«Я решил начать как раз с “Пиковой дамы”, стихотворения, которое было признано всеми как лучшее в цикле. В первой строфе его приводилось описание зала, где происходит карточная игра. Самой строфы не помню, но обломок — вот он:

Шеренга слуг стоит, и свечи  
Коптят амуров в потолке.

То есть я нажимал в этих строках на то, что вот, мол, хоть зал и наряден, но так как главное здесь — страсть, игра, то, несмотря на нарядность, в зале все же господствует запустение: лепные украшения потолка закопчены.

Итак, я продекламировал:

Шеренга слуг стоит, и свечи  
Коптят амуров в потолке.

Кто находился когда-либо в обществе Алексея Толстого, тому, разумеется, среди многих вызывавших симпатию черт этого непревзойденно привлекательного человека в особенности не мог не понравиться его смех — вернее, манера реагировать на смешное: некий короткий носовой и — я сравню грубо, но так сравнивали все знавшие Толстого — похожий на хрюка-

ные звук. Да, правда, именно так и происходило: когда при нем произносилась кем-либо смешная реплика, Толстой вынимал изо рта вечную свою трубку, смотрел секунду на автора реплики, молча и мигая, а потом издавал это знаменитое свое хрюканье. И это было настолько, выражаясь театральным языком, “в образе”, настолько было “своим”, что когда мы слышали смех Толстого, видели его смеющимся, то как раз в эти мгновения мы, может быть, реальней, чем когда-либо, ощущали его неповторимость.

Не успели прозвучать строки об амурах, которых коптят свечи, как Толстой хрюкнул.

Все, конечно, услышали это. Все, конечно, увидели, как, вынув изо рта трубку, он смотрит на меня, мигая.

— То есть как это, “коптят амуров”? — спросил он. — Как с окороками это делают, что ли?

— Почему с окороками? — спросил я обиженно.

— Надо было сказать — “закапчивают” или “покрывают копотью”. А “коптят амуров” — это получается, что копченые амурь.

Первым захохотал наиболее среди нас чувствовавший юмор Катаев. В следующую минуту хохотали уже все...

— Не обижайся! — слышу я голоса товарищей. — Алексей Николаевич прав!

Я тоже знаю, что прав, но чересчур уже ошеломительно падение с высоты. Боже мой, “копченые амурь”... И это мне, которого окружили музыкой таких “красивых” слов, как “Пушкиниана”!

— А по-моему, — начинаю я оправдываться, — если...

— Брось! Брось! — кричит Багрицкий. — Неграмотно! Позор, что мы сами этого не заметили! Брось!

Может быть, я выбежал бы из зала, если бы не случилось того, что случилось: вдруг прозвучала обращенная ко мне реплика Толстого, которую он произнес с какой-то необыкновенно товарищеской интонацией:

— Нет, правда, Олеша, ведь черт знает что — копченые амурь! <...>

— Сколько раз я и у себя замечаю подобные ляпсусы, — говорит Толстой, как бы читая мои мысли. — У-у, как внимательно надо работать! Вот вы, я вижу, считаете меня мэтром. А я чувствую себя учеником. Ни вы, Олеша, не мэтр, ни я не мэтр. Ведь вам иногда приходит в голову, что вы мэтр?

Опять смех: правда, я иногда думаю, что я мэтр!

— Вот видите. А мы все только ученики».

Стремясь к выразительности речи, нельзя забывать о ее правильности. Иначе неизбежно появление «копченых амуров». Конечно, это не значит, что речь обязательно должна быть гладкой, причесанной, прилизанной. Это другая крайность. Но несомненно, что речь культурного человека должна быть точной, т.е. точно выражать мысль со всеми ее оттенками, соответствовать правилам, нормам образцового литературного употребления. Любые неправильности, ляпсусы резко снижают, компрометируют как речь, так и говорящего. Первое и непреложное правило — речь должна быть грамотной, точной, литературной и, если возможно, — а это зависит уже от способностей, начитанности, образованности, — выразительной, образной.

Поэтому четвертый аспект стилистики — четвертый по порядку, но не по важности (last, but not least, как говорят англичане) — это изучение закономерностей употребления языковых средств, т.е. стилистика заботится о точности и правильности речи и ее литературности. И в этом она сближается с такой языковедческой дисциплиной, как культура речи. Культурный человек культурен во всем, но прежде всего в своем языке. Не случайно в современной лингвистике актуальны такие понятия, как речевой этикет, речевое поведение. И если правильна поговорка «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», то не менее правильным будет ее переименованный вариант: «Скажи мне две фразы, и я скажу, кто ты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)